Наталия КИРЕЕВА

Социальные интересы государств – источник международной интеграции

Когда заходит речь о международной политико-экономической интеграции, чаще всего имеется в виду внешнеэкономическая и внешнеполитическая активность государств, стремящихся к углублению взаимовыгодного сотрудничества в рамках региональных союзов, блоков, объединений, или различные аспекты функционирования и развития самих этих интеграционных образований. Но попыток классификации субъектов интеграции и выявления внутреннего источника их активности практически не предпринимается. Между тем эта задача представляется вполне выполнимой, если основываться на методологии системно-целостного подхода.

Представление о структуре (организации) объекта дает функциональный подход. Различные характеристики исследуемого объекта синтезируются в целостную картину при помощи системы функций по удовлетворению потребностей, которые являются необходимым и достаточным условием его существования. При этом функция понимается не в математическом, а в более широком и менее строгом смысле – как взаимосвязь, определяющая порядок включения части в целое, как такое отношение части к целому, при котором само существование или какой-либо вид проявления части обеспечивает существование или какую-либо определенную форму проявления целого [1, с. 53]. Тогда выделяемые структурные единицы задаются и определяются не «сами по себе», а через их функциональное отношение друг к другу и ко всей системе в целом. Это обстоятельство, тем не менее, не препятствует рассмотрению выделенных структурных единиц в качестве целостностей, т. е. выяснению присущих им существенных черт.

Исследуемые нами международные интеграционные процессы протекают в социальной реальности, по отношению к которой чаще других принято применять два способа декомпозиции. Первый базируется на представлении о многоуровневом (многоплоскостном) горизонтальном членении общества и предполагает выделение в качестве уровней социальной системы индивидов и образованные ими группы низшей и высшей степени общности, включая государства, межгосударственные интеграционные объединения и международное сообщество в целом. При этом каждая такая группа может рассматриваться как определенным образом заданная система функций индивидов, входящих в ее состав. Элементами интеграционного целого будем считать индивидов, а частями (компонентами, подсистемами) – образованные в результате их взаимодействия социальные группы разной степени общности.

Второй способ предполагает выделение различных сфер общественной жизни – экономики, политики, культуры и других, которые выступают как всеобъемлющие, относящиеся к каждому уровню социальной организации. Такое членение условно можно назвать вертикальным, поскольку оно пронизывает всю социальную систему снизу доверху. Взаимное наложение результатов обоих способов декомпозиции позволяет учитывать в вертикальных членениях горизонтальные срезы и наоборот, что способствует более полному описанию системы.

Если структура исследуемого объекта задается через потребностные функции, то их набор выступает его заместителем. Поэтому социальный субъект, представляющий собой совокупность общественных отношений, «может быть понят как целостность потребностей» [3, с. 227].

Потребности удовлетворяются (разрешаются) в процессе деятельности. При этом специфически человеческая активность – трудовая деятельность направлена не на приспособление в ходе эволюции организма и его потребностей к условиям внешней среды, а на сознательное преобразование среды в соответствии с потребностями человека. Отсюда следует, что область изучения социальной действительности при избранном нами способе ее декомпозиции оказывается заданной в первую очередь тем вертикальным членением, которое соответствует экономической сфере.

С функциональной характеристикой элемента связано представление о его активности в системе, которое порождает парадоксальную на первый взгляд ситуацию: если это элемент, то в рамках данной системы он далее неделим; если же он способен к действованию, то с необходимостью должен обладать определенным источником активности и в этом смысле обязательно сам должен быть рассмотрен как сложный объект и подвергнут расчленению, хотя бы в рамках другой системы или другого системного представления данного объекта.

Источник всякой активности – диалектическое противоречие. Следовательно, потребность – «есть свойство всего живого, выражающее первоначальную, исходную форму его активного, избирательного отношения к условиям среды» [4, с. 13-14], представляющее собой объективное противоречие между субъектом и средой его существования. Отличительной особенностью социальной активности является ее осознанный характер, а это значит, что применительно к ней речь должна идти уже не столько о потребностях, сколько об интересах.

С тем, что интерес можно определить как осознанную потребность, согласно большинство исследователей. Обе категории – потребность и интерес – «выработаны в истории общественной мысли для обозначения непосредственных причин социальных действий, в результате которых происходят изменения и преобразования в различных сферах жизни» [4, с. 3]. Содержание обеих категорий, в конечном итоге, заключается в природном и социальном расширенном воспроизводстве действительного бытия человека. В этом их сходство. Различие же состоит в объеме содержания этих категорий. Потребности

Наталия КИРЕЕВА – кандидат философских наук, военнослужащая

характерны как для биологических, так и для социальных систем, а интерес – исключительно социальное явление. Впервые в истории общественной мысли на это различие потребности и интереса указал И. Кант: «только о разумном существе говорят, что оно проявляет к чему-нибудь интерес; существа, лишенные разума, имеют только чувственные побуждения» [5, с. 306]. Это – во-первых.

Во-вторых, интересы обусловливаются потребностями. Потребность может существовать независимо от интереса, интерес без лежащей в его основе потребности невозможен. С другой стороны, с интересом связана не всякая потребность, а только устойчиво повторяющаяся или такая, которая в силу каких-либо обстоятельств не удовлетворяется или удовлетворяется не в полной мере и потому становится актуальной для субъекта.

В-третьих, потребность ориентирована прежде всего на предмет ее удовлетворения и выражает непосредственное отношение субъекта к предмету потребления (субъект объект). Интерес же направлен на условия, делающие возможным разрешение потребностного противоречия, на те социальные отношения, институты, учреждения, от которых зависит удовлетворение социализированных потребностей [4, с. 74] (субъект субъект). Он выражает отношение субъекта к путям и способам реализации потребности, т. е. к его собственной деятельности: интерес есть «момент субъективной единичности и ее деятельности» [6, с. 20]; «ничто не осуществляется поэтому помимо интереса» [6, с. 22]. Другими словами, потребность выражает зависимость субъекта от внешней среды, интерес фиксирует еще и «меры», осуществление которых ведет к избавлению от этой зависимости.

Таким образом, интерес по сравнению с потребностью более конкретно выражает специфику социальных отношений, особенности социальной активности, связанной не только с избирательным, но и с практическим, преобразовательным отношением к среде. «В силу этого интересы оказываются в определенном смысле более значимыми, важными с точки зрения обеспечения действительных условий жизни» [4, с. 75]. Именно по этой причине интересы, в отличие от потребностей, оставляют более глубокий след в общественном и индивидуальном сознании.

Главное же различие рассматриваемых явлений состоит в том, что потребности представляют собой явление объективное (необходимость их удовлетворения существует независимо от воли и сознания субъекта), а интересы имеют объективно-субъективную природу. Интерес, с одной стороны, имеет материальную основу (объективно существующую потребность социального субъекта), а с другой – всегда так или иначе, более или менее глубоко, правильно или неправильно отражается в сознании и оформляется в виде определенных целей.

Рассмотрение интереса как явления лишь субъективного порядка не дает ответа на вопрос, что же служит первопричиной его формирования. Сведение категории интереса к ее объективной составляющей не объясняет, почему он выступает в качестве реальной и непосредственной причины социальных действий. Ведь если интерес объективен, но при этом побуждает людей к активности, значит, он фатально неизбежен, в мире все предопределено, а от воли людей ничего не зависит.

Вывод о двойственной природе интереса следует из рассмотрения структуры этого социального явления. Так, А.Г. Здравомыслов выделяет в структуре интереса четыре основных момента: «1) социальное положение субъекта или совокупность его практических связей с обществом; 2) степень осознания положения, которая может широко варьировать от непонимания через смутное ощущение до ясного осознания; 3) идеальные побудительные силы, или мотивы деятельности, направленные на вполне определенные объекты интереса; и наконец 4) само действие, которое представляет собой утверждение субъекта в объективном мире» [7, с. 29-30].

Социальное положение – это объективная сторона интереса, которая означает, что сама природа и положение субъекта порождают у него определенные потребности и требуют от него определенных действий для их удовлетворения.

Таким образом, интерес обнаруживается в двух качествах: во-первых, в объективной взаимной зависимости действующих субъектов (их социальном положении) и, во-вторых, в представлениях тех же субъектов, в отражении этой связи в их сознании. При этом осуществляется непрерывное движение «от положения к идеальным побудительным силам и от идеальных побудительных сил через социальные действия к изменению положения» [7, с. 30]. Взятые во всей своей противоречивости практические связи и отношения субъекта не только многообразны, так как характеризуют всевозможные стороны его объективного положения, но и различны по глубине: наиболее существенные из них сочетаются с теми, которые соответствуют временным особенностям текущей ситуации. Поэтому отражающие их идеальные побудительные силы также противоречат друг другу, но тем не менее «выступают в качестве побудительных мотивов действий, зачастую достаточно мощных, несмотря на то что они остаются «неосознанными» в теоретическом или идеологическом плане» [4, с. 88].

Именно интересы, имеющие сложную структуру и субъект-субъектную направленность, являются внутренним источником активности субъектов на всех уровнях и во всех сферах социальной организации. При таком подходе государства уже не являются единственными субъектами международной интеграции, а межгосударственные соглашения о создании зон свободной торговли, таможенных союзов, совместных экономических пространств не исчерпывают всего многообразия ее проявлений.

Субъектами интеграции можно считать индивидов, вовлеченных в трансграничную экономическую деятельность в качестве предпринимателей, трудовых мигрантов или частных инвесторов [8]. Причем участие отдельных людей в международной интеграции наблюдается уже на начальных ее стадиях, когда из-за неразвитости и примитивности форм экономической активности большинство исследователей даже не рассматривают ее (интеграцию) как таковую.

Б.А. Хейфец и А.М. Либман приводят в качестве примера нелегальную трансграничную торговлю на африканском континенте, которая, несмотря на свой неофициальный статус, характеризуется бóльшей эффективностью, чем официальная (на ее долю приходится около половины торгового оборота сопредельных государств, тогда как на долю официальной торговли – не более 6%) [9, с. 44].

Решающую роль в международной интеграции играет деятельность транснациональных корпораций. Так, задолго до создания Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) американские

транснациональные компании, заинтересованные в использовании сравнительно дешевых мексиканских трудовых ресурсов, начали располагать в приграничных штатах Мексики «сборочные» производства – так называемые maquiladoras. К моменту начала переговоров о создании НАФТА (конец 1980-х годов) в Мексике работало около полутора тысяч заводов с общей занятостью порядка 400 тыс. человек. Именно «инвестиционная экспансия транснациональных корпораций США стала ключевым фактором в возникновении формальной интеграционной группировки и в углублении региональной экономической интеграции» [9, с. 26]. В России подобная практика существовала в виде толлинга в цветной металлургии.

Субъектами международной интеграции становятся также фирмы и предприятия, не являющиеся транснациональными, но вступающие в отношения производственной кооперации с зарубежными контрагентами. Например, последнее время все активнее развивается сотрудничество товаропроизводителей в рамках Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана: «Сибсельмаш» имеет свое совместное предприятие в Акмолинской области Казахстана, а белорусские предприятия входят во многие холдинги («Электронные технологии», «Формаш», «Межгосмегиз») или СП («Международная калийная компания», «БелРусавто» и др.) на российской территории. Комплектующие белорусского производства поставляются на «КамАЗ», «ВАЗ», «ГАЗ», «ПАЗ», «УралАЗ», «ЛиАЗ» и другие предприятия.

Интеграционному развитию способствуют также неформальные международные контакты на уровне отдельных отраслей промышленности. Так, в рамках АТЭС идет активный Отраслевой диалог (Industry Dialogue) в автомобилестроении, химической промышленности и цветной металлургии.

Политико-административные единицы в составе государств (регионы), представляющие собой социально-политические общности, реализация интересов которых имеет четко выраженную территориально обусловленность, отличаются этим от корпоративных структур с их дисперсными, не связанными с конкретными территориями интересами. Являясь крупными субъектами собственности, экономической деятельности и экономической власти, регионы конкурируют друг с другом, как на внутригосударственных административных рынках, так и на международных рынках институциональных сред. Причем в отличие от корпораций, зачастую повышающих свои конкурентные преимущества за счет поиска оптимальных юрисдикций функционирования, регионы активно преобразуют эти юрисдикции, в том числе путем их унификации в рамках трансграничного взаимодействия, выступая таким образом в роли субъектов международной интеграции.

Другое проявление этой роли – проекты по совместному развитию инфраструктуры, освоению ресурсов, решению экологических или гуманитарных проблем, которые инициируют сопредельные регионы разных стран. Таковы «треугольники роста» в Юго-Восточной Азии, регион Каскадия, охватывающий север тихоокеанского побережья США и юг побережья Канады, проект «Калифорнии», основанный на взаимодействии тихоокеанских штатов США и Мексики, а также еврорегионы, для поддержки которых в рамках Европейского союза с 1990 г. реализуется программа INTERREG.

Новой тенденцией в развитии международной интеграции после кризиса 2008–2009 гг. явилось то, что региональные блоки, до того выступавшие лишь в качестве продукта интеграции входящих в них государств, сами стали проявлять себя в качестве интегрирующихся субъектов. Так, среди вновь заключаемых региональных торговых соглашений растет доля таких, где одной из сторон выступает региональное объединение – ЕС, ЕАСТ, АСЕАН, МЕРКОСУР, Южноафриканский таможенный союз, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. Более того, в 2008–2009 гг. появились первые межблоковые (и одновременно межрегиональные) торговые соглашения: между ЕАСТ и Южноафриканским таможенным союзом, между ЕАСТ и Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, а также между ЕС и Карибским форумом африканских, карибских и тихоокеанских государств.

В 2010 г. ЕС и МЕРКОСУР договорились о возобновлении официальных переговоров о создании ими зоны свободной торговли, охватывающей территорию проживания 800 миллионов человек. Анализируя новый тренд, А.Н. Спартак констатирует возникновение принципиально иной кооперационной структуры мирового хозяйства [10, с. 9]. Она действует на сетевой основе, при которой выравнивается интенсивность блокового и внеблокового, зачастую сильно разделенного в пространстве интеграционного взаимодействия. Таким образом, именно интересы, имеющие сложную структуру и субъект-субъектную направленность, являются внутренним источником активности субъектов международных политико-экономических интеграционных процессов.

Литература

1. *Сетров М.И.* Принцип системности и его основные понятия // Проблемы методологии системного исследования. М: Мысль, 1970.
2. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
3. *Гегель Г.В.* Ф. Философия права. М., 1990.
4. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М., 1986.
5. *Кант И.* Сочинения. М., 1965. Т.4. Ч.1.
6. *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. М., 1972. Т.2.
7. *Здравомыслов А.Г.* Проблема интереса в социологической теории. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.
8. *Кузнецов А.В.* и др. Мониторинг взаимных инвестиций в СНГ // Центр интеграционных исследований ЕАБР. 2012. Доклад № 6.
9. *Хейфец Б.А., Либман А.М.* Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
10. *Спартак А.Н.* Современный регионализм. // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 1.

Дополнительная литература

Здравомыслов А.Г. Теоретические и методологические проблемы исследования социальных интересов. Автореферат дисс... д. ф. н. М., 1969.

Киреева Н.В. Потребности социального субъекта как система / Моск. пед. гос. ун-т им. В.И. Ленина. М., 1997. 36 с. Деп. в ИНИОН РАН 6.02.97, № 52307.

Могилевский В.Д. Методология систем. М.: Экономика, 1997.

Общая теория национальной безопасности / под ред. А.А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2005.

Mayer F.M. Interpreting NAFTA: The Science and Art of Political Analysis. N.Y.: Columbia University Press. 1998.